

ФОМА

Удивительная поэма о знаменитом схоласте
Фоме Аквинском
его учителе Альберте Великом
о искусственной женщине
Альбертом созданной
и повествующая о том как сказанный Фома
с нею спорил и как разгневавшись
ее испортил

АНРИ ВОЛОХОНСКИЙ

M ◊ A

Художник Игорь Захаров-Росс

Copyrigh: M · A Köln

ISBN: 3-926226-25-0

Gesamtherstellung: Druck Thiebes GmbH & Co. KG Hagen

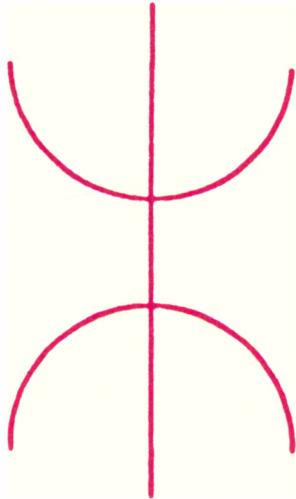
АНРИ ВОЛОХОНСКИЙ **ФОМА**

Сочинение о 1400 строках содержит в себе при
вступления, восемь глав, из коих одна — большая
прекрасная картина, и окончательное суждение;
а кроме того включает две легенды, тринадцать
малых картин, четыре песни, один сонет, одно
обращение к читателю, а также вот эти стихи:

Новорождение — дело не мгновения
От ликования ломит переносца
Когда подходит срок несвоевременный
Чем тягостней тем легче переносится

Так не браните бедное творение
На лилии вперед не стоит тратиться
Не стоит доски закупать до времени
Погибели отчаянного мастера.





Вступление Первое

К музе

Мой век не ценит пищи тонкой
В тройной цене утробный вой
Берите сумки и котомки
Валите в лавочку за мной

Автоматический механик
Вам вместо цинка сплавит медь
В глаза кокетливая глянет
Полупрокопченная снедь

10 Кофейный боб в сгущенной банке
Там вот уж сорок лет один
Там смерть естественная в склянке
Маячит где-то впереди

Что прежде было то и будет
Вернется ветер в ранний круг
Нам суждено в одной посуде
Хранить и финики и лук

20 Морковка близко ананаса
Ему дарит морковный смак
Торговка запахом Парнаса
Благоухает как весна

Она лушит сухие кости
На мир восторженно плюя
В нем нет возможности для роста
Так пусть летает чешуя

Дабы рука не достигала
На завершении колонн
Нетленной гирей идеала
Мерцает вечный эталон

30 Но там во льду застынут души
И хрустнет глаз и взвизгнетмышь

От совершенства дивной груши
И от воззренья в эту высь

Зачем же Ты сбивая сливки
Колблешь череп бедный мой
Такой непрочный и пустой
Полуразрушенный и зыбкий?

Вступление Второе

МОЛИТВА святого Франциска Ассизского

Избавь меня
Избавь меня от зрелища пустого края чаши той
в которой нет монеты милости Твоей

40 Сейчас, сейчас,
Когда кругом темнеют падая
Лохмотья осязаемых от яркости знамен
Мгновенье сжатых век
Наверно это лучшее мгновение прекрасное
О если бы я видел не мигая
Славы Твоей цветочную лужу
И пруд и ручей дорогой незабудок
Поток
Теперь гремит разматывая цепь
Молотобоец-звездочет

50 А эти здесь
Вокруг стоят боясь дрожат и словно ждут известия
Теперь час губ которые молчат
Должно быть совершенный час безмолвно сжатых губ
О если бы воздух мой
Мог плавить воск среди цветов златой
Я бы с ними плыл
Над звездами гудящим парусом
И долго тяжко мед их лил дождем
В эти вязкие поля

60 Тогда земля бы стала кружкой у протянутой руки
Но Ты – какое серебро сам положил чтобы горело в
тесный круг?
Какую рыбу кинул нищим в это масло ради мук?
Ты это Ты
Но только как Ты отдал нам побег святой
древесный мост на берег близости Твоей?
Здесь был он взят и срезан сухо
Здесь меня избавь

Вступление Третье

К веку

О век тринадцатый, темна твоя наружность...
Смердящий факт что ты существовал
Не стоит веры: выветрен и сужен
70 Его размер сомнителен и мал
Ты иногда куда-то исчезал
Издаലെка мерцаея блеском чуждым
Как лезвие веселого ножа
Бегущего по звездам светлым краем.
Ряд зримых форм надетый на спираль
Являет гроздь которая свежа
В ничтожной мере. Мы ее съедаем
А не клюем – ведь нет у нас пера
Мы не живем подобием чижа
80 Трехкратно ложь что мы напоминаем
Пичуг мечтательно крылами дребезжа
Нас разделяет длинная межа:
Мы прах ногой долбим а не порхаем
И кисть вина увидим и глотаем
А не жуем от птахи сторожа
Гоня пришелицу мыча иль громким лаем
В один прием всю ягоду едим –
Как реки трав тот век неповторяем
Как древо роши век неповторим.
90 Иные зря моментом дорожат:
Безвкусен ломоть мертвой атмосферы
Как ни гляди в гнусавую трубу
В обратный телескоп четвертой меры –
Мерцает глаз проделанный во лбу
А век невидим, он лежит в гробу
Раскинув ус и выкатив губу –
Тринадцатый, темна твоя поверхность!
А время – никакая не петля
Подобное растит могильный вереск
100 Скелет-венец берет себе земля
Зубами сходств оскален влажный череп
И с колеса немого палача
Летают к нам опилки и обрубки

Обрывки снов, обломки звонких чаш
(Покойник был умен и величав
Дороден толст но неширок в плечах)
Все вторит бывшему но только вслед за трупом.
Я никогда наверно не пойму
Бесплодных чаяний сравнительных наук
Взгляд в прошлое таит в себе ненужность:
Невозвратим однажды спетый звук
Стрела обратно не вернется в лук
Неправда что судьба нам делает окружность
Не может быть что рок рисует круг
О век тринадцатый, темна твоя наружность

Глава Первая

юность альберта

Внук благороднейшего рода
Альберт был в молодости туп
Его четырехгранный подбородок
Напоминал по виду куб

120 Валун вздымался образуя
Лоб неудобный для посева
Его влиятельные родственники
Не выезжали из Женевы

Им было хорошо забросивши ребенка
Сложить ответственность на старенькую няню
Ей дряхлой поручить кормление и надзор
Старухе набожной доверить воспитание

А мальчик рос. Он рос и не умел.
По мере лет произрастала тупость:
130 В пятнадцать лет он слова не умел
Сказать, а говорил – так глупость

Нелепость, чушь, какой-то утлый вздор
Нес окоlesiцу и строил рожи слугам,
Будь принц Альберт, узнай об этом двор
Невинной бабушке влетело б по заслугам

Учителю придворный плох удел
Лить воду в пень чтоб зеленел талант
Бревно инфант – а кто недоглядел?
И вот на плахе дурень-гувернант

140 Святую женщину позвали б на допрос:
– Факт налицо, наследничек дубина –
Они бы довели ее до слез
Хуля того кого она любила

– Как Вы могли такого дурака
Такого олуха вскормить для властной роли?

Она б рыдала глядя в облака
И плакала выглядывая в поле

150 И рядом с ней рыдал бы весь дворец
Король сморкался, выл архиепископ
И тронут видом стонущих принцесс
Им Папа слал сочувственные письма

*

160 Где мгла гнездо свила
Она вокруг парит
Плох тот фонарь который не горит:
Не различит он корень скверны
Вперед и вдаль взирая сонно...
Как бы то ни было Альберта
Столь же способного
И в той же мере склонного
Сколь мил соседу трубача
Его сосед с огромным дарованьем
Не видя слез не внемля оправданьям
В Париж послали обучать
Чтоб хоть с чего-нибудь начать
Но хрупкое орудие флейтиста
Не запоем в руке врача!

Н р а в ы

170 В те дни солдатский караул
Не мог носить рейтуз
Имея звонкий арбалет
На месте аркебуз

Тогда у многих нежных дам
Супруга злобный нрав
Замки на бедра запирали
Все чувства их поправ

Пучками сена окружен
Осел стоял красив

Свободой выбора прельщен
Как дева среди слив

180 И в самый Университет
Как заводили спор
Из чащи забегал олень
И вепрь ломал забор

*

Есть критерий без условий:
Знают герцог и стряпуха –
Мудрый лечит мягким словом
Глупый гвоздь кует для уха

190 Мудрый доктор мягкой речью
Рану бедную растравит
Дурень бьет поленом в печень
Мотылька коленом давит

Он ползет к нему нацелясь
Словно червь натуре в челюсть.

Был профессор суховат
Как солдат душою прост
У него из-под заплат
Был едва заметен рост

200 Был профессор нравом крут
Но давал заметный крен:
Как бывало заприметит
Переулочных сирен

Он привстав на четвереньки
Громко лаял им вдогонку
Он любя эксперименты
Прямо к черту лез в солонку .

Кто к хрящу стремится жаден
Для того ученье – праздник

Но Альберт был неудачник
И сказал ему наставник:

210 Неспособные к науке
 Бесполезнее собаки
 Говорливее заики
 Состоя с сорокой в браке

Безотрадная картина
Лучше б ты играл на спице
Бессловесная скотина
Что ты дрыгаешь зеницей?!

220 Безрассудная затея
 Все твое образование
 Если пусто в подземелье
 Вон из храма в наказанье

Поверни на восемь румбов
Рукоять в гнилом корыте
Хлопни пробка, лопни тумба
Говорят тебе: изыди

Прочь, гряди – такие зубы
Не для наших диссертаций
Выдь, Альберт, уйди отсюда
Сгинь под сень иных акаций.

230 Головой высоко поднят
 Горделивый был профессор
 Правда в маленьком объеме
 Но с большим удельным весом

А всего-то четверть пяди...

*

От желудей удалясь восвояси
Мальчик прохладной роднею в Швейцарии
Не был укрыт в простыню утешения
Не был согрет под периной сочувствия

240 Мальчик – сказали ему по прибытии –
Ты уже взрослый. Воздушные башни
Тучи на пастбищах, пену в угодии
Нам ли с тобою дробить в завещании?
Как будто не стоит, к чему же, не правда ли
Дробить опору майората
Таким искусственным барьером?
И младший внук Больштедтских графов
Избрал духовную карьеру

250 В уединенный монастырь
Послушных братьев Доминика
Вошел он как прямой костыль
И как клюка главой поникнув

И псы Господни бесконечно милосердно
Альберту дали самую несложную работу:
Срывать ботву и ставить жерди
Опорой слабому гороху

Альберту было жаль ботвы
И настоятель разводил руками
Монахи разевали рты
И распускались лопухами

260 Но ликовал Альберт когда горох
Зеленой струйкой вился возле жерди
Чтоб не засох он поливал горох
Покуда твердь не поливала жерди

А культивируемый вьюн
Благодарил его приятным стуком
И шел к концу двенадцатый июнь
Как вдруг Альберт воспламенился духом

Конец Первой главы

Глава Вторая

С ФОМОЙ

270 Вставал Испанский полуостров
Концом Вселенной в бурной пене
Европа изнывала оспой
Изголодавшись населеньем

Происходило уменьшение –
Пример обратного прироста
Сопrotивление напрасно
И нет ни средства ни лекарства.

При полуграмотных ландграфax
На положении служанки
Наука в горестном припадке
Не подходила для приманки

280 Червю который для наживки
Зовет к уде в воде живое
Потребна облачная жидкость
Под легкой тучкой дождевою

Теперь под тучкой суеверий
Край мира стерся в черных брызгах
Мы лучше поглядим на зверя
Что ныне из Европы изгнан

290 Он не сопит по каталогам
Не грезит в лист классификаций
Вот мы его громоздким слогом
Украсим ежели удастся

Е д и н о р о г

В угрюмых топях заблуждений
Не зная собственных копыт
Согнув ужасные колени
Бронею лжи стоит покрыт

Единорог – он скрыт от взгляда
И истины ему не нужно и не надо
Ему дана в отраду ложь.
Вооружен одним лишь бивнем
Стоит он в топях недвижим
300 И на него случайным ливнем
Садятся бабочки и утки
Живым подобием цветка.
А девушка глядит из-за пенька
Одетая в холщевую рубашку
Трепещет, поясок сняла
Чтоб уловить лесную пташку
Чтоб скот с собою уволочь
Ночь распласталась и легла
Уже вторая ночь...
310 Одной единственно девице
Пасти возможно эту птицу
Покрыт пороком, весь в трясине
Он перед девою бессилен.

А вот еще – другой породы:

Д р а к о н

По усмотрению народа
Змее даны крыла и ноги
И под названием Дракона
Она действительно такая
320 Когда махая перепонкой
Летит на трапезу героя
Который спит на барабане
По имени святой Георгий
А конь его невдалеке
Храпи, герой – змея в восторге
Пасется там неподалёку
Жует, присядет на пеньке
Прекрасный вид имея сбоку.

*

330 Фома на двадцать лет моложе
 Ходил не слушая команды
 И все что кажется похоже
 Ловил старательно и жадно

 Искал руководящий принцип
 Постичь творения искусство
 Он мир не полагал зверинцем
 Капризным сном того что пусто

 А верил в стройность и порядок
 Любил подсчитывать ступеньки
 Ходил в ботиночках нарядных
 И делал быстрые успехи

340 Все положения науки
 В его главе вместились сланцем
 Где много слов там чувства сухи
 Он тоже был доминиканцем

 В ушах не возвешенных к зову
 Он поместил густое сито
 Он был прекрасно образован
 Гуляя обувью расшитой

350 Он был доминиканец тоже
 Писал двумя руками сразу
 Он был на двадцать лет моложе
 Ходил не слушая приказу.

 Ах, в голубой красивой чашечке
 Бурлила только часть напитков

В е д ь м а

 Положи на ведьму крест
 И она уйдет назад
 Но кругом какой-то писк
 По себе она оставит

360 Воздух словно бы нечист
 Все боромочет, задыхаясь
 Кто-то белый небольшой
 Крутит лапкой с коготком
 Из углов убогий свист
 Раздается... Непокойно,
 За окном не видно звезд
 И случайный ветер гасит
 Восковые огоньки

*

370 Идут года, проходят дни
 В себе не ведая коварства
 А на поляне лупят пни
 В кимвал растительного царства

Конец Второй главы

Глава Третья

просветление

У сердца звучного стекла
Венец раздольных трав
Кружит по ветру семена
В цветах не тает град

И в упоении сойти
Между восточных плит
Течет гудение травы
К колоколам тетив

380 Слюды невидимой светлей
Горит зеленый след
То песня падает к тебе
С колосьями на ней

Но не протягивай ладонь
Стань раньше нем и гол
И ты поймешь какой зарок
В зерно ее внедрен

*

390 Раз в утомлении жердями
Альберт прильнул одной в тени
Как вдруг блестя пред ним крылами
Возник Архангел перед ним

Архангел был чудовищно красивый
Он рассердился и пылал свечой
И дверь над ним висела темносиняя
А он гремел у пояса ключом

Внемли Альберт – вещало Пламя
Узнай монах, впрягая слух:
Круги высот мы лили сами
Другие смотрят через люк

400 Нам наверху иной критерий
Присущ понеже мы иные
Войди Альберт в золотые двери
Войди в одни и в остальные

Здесь дурень ты, а нам – философ
Здесь ты болван – для нас мудрец
Иной аспект с иным откосом
Иных зеркал отличный срез

410 У тех – утехой брильянты
Нам алчных рук отвратна вонь
Узнай – ведь знание приятно
Про воздух, влагу и огонь

Раздвинь свои большие очи
Расправь ушей послушный рупор:
Путь постижения короче
Когда рука не мерит скупой

Нам мил в смирении занятий
Клонящий голову к траве
В противовес умнейшей знати
Что пальцем рыщет в голове

420 Нам простота твоя мила
Брось лейку, позабудь горошек
Взгляни, блестят сии крыла
Иди сюда, их свод надежен

Там груши гниль – тут сам гранат
Здесь вечный сад, внизу огрызки
Скорей бери желанный клад
Сокровищ истинных и близких!

Сказал и зашумел как ветер.
Альберт проснулся и ответил:

430 Любовь конечно к небесам
Горит во мне горит

Хочу взглянуть, поднять глаза
Но с ними я не слит

Хочу взглянуть, поднять глаза
Вздеваю кверху бровь
И ухо в ваших голосах
Не различает слов

440 С моей ответной стороны
Словесный высох пруд
Я слеп, а вы озарены
И слезы вниз текут

Куда текут я сам не знаю.
Архангел молвил улетаю:

Любовь с надеждою должна
Присутствовать в сердцах
Но смысла нет когда она
Заклучена в словах

450 Суждений правильный колпак
Вас отделяет от
Того что веры лучший знак
Растущий среди вод

Будь то латыни или гре-
ческого языка
Вся человеческая речь –
Иссохшая река.

460 Раз так – суждениям излишним
Я дам особенность и облик
И не коснуся этой вишни –
Сказал Альберт. Водюю облит
Чтоб не стоять под этим душем
Что мед ушам – погибель душам
Пирог уму для сердца кал
Губе творог – отравя в печень
Хоть белизною он сверкал

От зноя в теле он не лечит
И утоленья не дает
Затем никто его не пьет
Не слаще мед – пусть даже с дегтем.
И Дьявол почесался когтем.

Дьявол

470 Господин приятных дел
 Император новолуний
 Ах куда ты залетел?

Где наш пламенный игумен
Ты махнул крылами тощий
За ручьем каких раздумий?

Где ты первый наш псаломщик
Хитрых козлиц ловкий пастырь
Утонувшему паромщик...

480 Где ты повар бледной масти?
 Вон он, вон порхает с криком
 А кругом сухие сласти

Вожделенная новинка
Драгоценный пирожок
С деревянной серединкой

Подрумянен хорошо.

Конец Третьей главы

раймунд лоллий
и первый в мире
логический аппарат

490 Все круглое сродни расудку
Ось силлогизму служит тестем
Золовка ей родная втулка
А вывод – как всеобщий крестник
Ободьям в чужедальнем свойстве
С чекою верной неразлучен
Ум-заключительной повозки
Сам переводвигатель и кучер
Глядит на нас навеселе
Семь раз вода на киселе.

Кто аналогию усвоил
Тому крещение нетрудно
Сказал себе Раймундус Лоллий
И заказал в Марселе судно

500 Дабы не слышать воплей близких
Раймунд на волны смотрит грозно
С ним концентрические диски
И свежеотлитая бронза

Многозначительные цифры –
Реэмигранты стран восточных
На зубьях пламенного цикла
Блистают впаянные прочно

510 Конец блужданиям сарацинским!
Непобедимое устройство
Аргументальным обелиском
Явить готовит крестоносно

Под орифламмой медный лик
На африканский материк.

Но на лице пустынном шейха
Под желтым бликом механизма
Лишь горделивая морщина
Как фанатическая вежа
И гнева праведного признак
Взамен улыбок благодарных
Виднелась после операций
520 На этом долгожданном месте
Под взмахом длани варварийца
Раймунда отдавали в рабство
Когда он не спасался бегством
От лапы следственных комиссий.
И для спасения от бедствий
Тут соплеменные купцы
Вскрывали хладные ларцы
Рукою алчной, ночью темной
530 Черпали золото горстью полной
Монеты тяжкие вертя
И нежелательно платя
За проповедника и брата.
Но Лоллий кончил плоховато
Огней не стоила игра
И Лоллий ясно это понял
Когда в Европе умирал
Тоскливых дней своих на склоне
От иноверческих побоев
При волнах средиземноморских.

*Конец
Четвертой главы
большой прекрасной картины*

творчество

540 Альберт меняет облаченье.
Кипя и помня обещанье
Сорвал он вретище, расстался с рванью
И проворчав лаская сучья
«Прощай» неоценимому растенью
Окинул запад. Там светило
(Центральный долг его еще не вспучил)
К себе вещая уходило
И в естестве первоначальном
Гудело сонное печально

550 И алое победно тухло
Полкруга за борт завернув.
Все это оком обернув
Альберт стопу направил в кухню
Там дабы нить с иглой добыть
Дабы хитон иглой скрепить
И разукрасить средством нити
Колпак для будущих наитий
Посулам следственных небрежным.
Потом уже кроя одежду

560 Альберт кота усов промежду
Поскреб, швырнул его под печь
И молвил миру в поперечь:
О Роза Вышивки! Не вянет твой поклонник.
Обманом сыт цветет доволен плут
В кармане пыль – стругает подоконник,
Терзает деревце. Конечно он разбойник
Но как с ним быть? Позвать его на суд
Пустое дело: высохший подойник
Сухарь во рту, неутолимый зуд

570 Предъявит студии оборванный ответчик
На срам коллегии на стол положит зуб
И ствол жезла погложет опрометчив.
С кем говорить? О ком держать совет?
О Роза Вышивки, о Дева полусвета!
Свеча в горшке, печать на порошке –
Набор улик из полного букета
Свидетель слеп, а лжесвидетель глух

580 Нем адвокат, судья косноязычен
Палач – он дремлет тут без ног без рук
Залег в углу, а в глотке кочерьжка
Он спит. Его чарует мандрагора
Дрожит с похмелья сила прокурора
У коего на праведной груди
Волнующая надпись: «Не суди».

Итак, начавши с праздных разговоров

590 В твореньи взгляд пронизывает жест
Дождь лепестковый с плеском ритуала
Всеvyšний смысл процессии торжеств
Закутан в голубое покрывало
Но следом упражнению жреца
Содействуя движением повторным
Возможно, покалечив дерева,
Цветы стихии оторвать от корня
И взяв растение ближе, как предмет
Рассматривая пристально снаружи
Легко слепить иль маску иль макет
Красивый гроб повапленный и нужный
Квартиру вечную красавцу-каплуну...

600 Пить по глотку пристало ль скакуну?
Есть правда лучший путь для соисканий
Но вьется тропочка по самым граням тайны
Над шлюзами водохранилища судьбы
Куда верблюду пять минут ходьбы
Но этот лев решил страдать от жажды
И ждать дождей прохаживаясь важно.

*

Взгляни как прыгает яйцо
Уроки трех начал
На лютне тонким голоском
Поет оно брэнча

610 Земля – тождественная суть
Желтку на толокне
Как торжествующий сосуд
Блаженствует во мне

Хрустальным шлейфом ветерка
Вокруг него и близ
Бежит эфир по бугоркам –
Пузырчатая слизь

620 Разоблачительный конверт
Натуры нескупой
Вам – ослепительная твердь
Мне служит скорлупой

Так лей мудрец в единый суп
Мой тройственный состав
Стремись творение к венцу
Прильни губою к леденцу
Пересмыкая на уступ
Бесчисленный сустав

*

630 Звезда ночей как яркий тигель
Пересекает небосвод
Уже в дыму соседний флигель
Альберт в котлы стихию льет

Под небом кухни воздух жаркий
Кот шерсть встревожил зарычав
Шипит материя как шкварки
И пеною поит очаг

640 Кота обнявши другом бедных
Альберт на кочерге устроясь
Ругает Князя из-под бездны
Порочит серого Изгоя
Хулит Маркиза от колодцев

Сатрапов кроет замогильных
Помои льет на Полководца
Не размышляя, как придется
В словах изысканных и сильных:

«Вот Клеветник прикусит губы
Соблазнитель втянет хобот!
Мы кобру выманит из ступы
Мы сцедим жабу из сиропа!»

650 От речи образной и пышной
От сей прелюдии подробной
Состав в условии суровом
Бурля приподнимает крышу
И не сулит обратных возвращений
Как на попятный двор Первосвященник.

И о а н н
(Легенда)

Пресвитер Иоанн
Чернее долгой ночи
Вошел в старинный чан
Провозгласил из бочки:

660 Я видел саранчи
Огромную ораву
С высокой каланчи
Налево и направо

Ползет ее отряд
Без радостных приветствий
Везде творя обряд
Предерзостный и мерзкий

670 Тревожить эту дрянь
Нет моего желания
Я ухожу во жбан
Сложив самодержавие

Холоп неси печать
Бери сундук с медалью
Тебе я завещаю
И прочую регалию

Ты повар мой прощай
Пусть нас потомок судит
Отныне запечатанный
Я почию в сосуде

680 Снимите слуги слой земли
Под плодородным дерном
И в яму огородную
Уйдет седой затворник

Внесите удобрение
И урожай удвоится
Я до поры до времени
Намерен уединиться

690 И в пыльном одиночестве
Обняв охапку грусти
Засесть в лудильном зодчестве
И под укропным кустиком

Когда-нибудь потом
Я вновь явлюсь на вышке
Вечерним мотыльком
Ничуть не изменившись.

Забили в барабан
Но смолк во мгле окопа
Пресвитер Иоанн
Чернее эфиопа.

*

700 Искусству жертва иллюзорна
Но плавит жир треножник пользы.
И как художник вдохновленный
Разгладив мази пестрой полосы

Расположит на поле брани –
На тканном льне в пурпурной раме
Лоснясь коленом богомольца
Как поршень двигаясь неистов –
Поток текущий, рядом берег смежный
И охрой драгоценной маслянистый
Кругом ландшафт желтеющий прибрежный
710 Осенний бор – медлительный пожар
Подует ветер – опадают листья
Готов шедевр. Он спрячет скипидар
И плюнув в землю огрызком дивной кисти
Случайного расплющит комара –
Вот так же и Альберт, увидев что пора,
Подняв с огня посуду с пышным тортом
Метнул в котла заглушкою реторты.
Кот ахнул позабыв глагол
И поскакал в туманный дол
720 В глухую заводь к тихой речке
Там когти в воду погрузил
И рыбка вышла на крылечко
Колыша веером беспечно
Без поплавок и без грузил.

*

Если погнать стихии клячу
По колее налево криво
Происходит неудача
Знаменуемая взрывом
Происходит неприятность:
730 Она выходит на свободу
И не загнать ее обратно
И не запрячь ее в подводу
Но отражаясь раз до сотни
Везде где край в природе плоский
Она приплюснутым животным
Располагается на полке
Вот если ей дать на выбор выход
Из для нее условий тесных
Она сама выходит тихо
740 Обретая облик женский

Она выходит тихо в залу
Безмолвно молча и пассивно
Вторым страдающим началом
Но в нежном образе красивом
Вторым решением задачи
И ей Альберт сказал ликуя в плаче:

750 О Ева новая, в искусственной траве
Цветок условности болотный и невинный!
'Певунья чистая, мой зимний соловей
Молю услышь мой репортаж недлинный.
Пока утók мы зрим издалека
Над решетом в пустынном околотке
Как опухоль мыслительная ткань
Питает чудище из человеческой глотки
Разверзши клюв из зоба смотрит страус
Он гусь и в нем проглядывает гусь
Свой менюэт он пляшет наизусть
И правя шею в наивысший градус
760 Все топчет лапочкой воздушные луга
Над тучкой розовой его нога.

770 Дерзание! Подстриженная птица!
Лишь обернись – увидишь – холм не крут
Мишень чиста – нетрудно убедиться
И плачет лебедь в довоенный пруд
А в мельнице движимой ледником
У зернышка режим неодинаков
И цвет подчас бывает не таков
Какой сварил наследнику Иаков.
Что мне и что тебе цена полей?
Разделим град янтарною границей
Тебе нектар – мне горький сок корней
Тебе стоять – мне гнуться поясницей
До самого последнего суда
Условимся: в членении труда
Ты будешь вместе мельница и мельник
А мне останется часовня и молельня
От хлева ключ я заберу в карман
В овчарнях наших кормят задарма.

Но опуская аргумент
В докладе правильном и жалком
Она ему сказала «нет»
Елей пия с водою залпом.

Конец Пятой главы

Глава Шестая

фома идет

Суждений раб нелепых и условных
Чернь издавна терзает невинных.
Разбита вазочка – поносят гончара
Сыреет стенка – звонкий подзатыльник
Я потерплю проспавши до утра:
Заплесневел сердечный мой будильник.
790 Цырульня вскрыта радостной толпе
Ей парикмахерская кисть лелеет щеки
Она торопится, ей хочется поспеть
А мне – храпеть преодолая сроки
Нас будит гром кукушки жестяной
Весною, осенью и летом и зимой
Большой завод на этом деле вырос
Высок над городом трубы его папирус
В нем скрыт секрет, его хранит конвой
И он вопит испытывая боль
800 Внутри его кипит неравный бой
Спешит народ под сень сооруженья
Ужасный век – дурные пробужденья.

*

Фома дремал в убогой келье
От мира запертый гвоздем
И ангелы ему пропели
Незамедлительный подъем

Восстал Фома от сна разбужен
Нагнулся, вытащил сапог
Надел его как можно туже
Зевнул и вышел на порог

810 Зевнул Фома нахмурен бровью
И сделал в воздух первый шаг –
Мир быв оштукатурен внове
Лежал не высохши во швах

Весь перелепленный из воска
Еще застынуть не успев
Весь благодатнейшая почва
Но страшен был весенний сев

820 Мир словно шарик в новой лунке
Сидел облуплен и умыт
Единственно в его рисунке
Чернели ноги от Фомы

И будто злак ненужный сорный
Меж благодетельных ростков
В эфире неся слепок формы
Под свист гвоздей и гром подков

Лучу естественной преградой
По отражении луча
Нога печать дарила взгляду
Двухместный оттиск залуча

830 (И вмят в рассудок каменистый
Позднее призрак этот сможет
Дать знать на ком они повисли
И кто хозяин этих ножек)

А тень от возмущенной плоти
Ее зловещий негатив
Переливалась по природе
Владелицу опередив

840 И мир при этом появленьи
Затмив свой незаметный срам
Нам осветил на умозренье
Одни узоры к сапогам

П р а в ы й

Звезда сияла над Эдемом
Адам под деревом лежал
Звезда в глаза ему глядела
Его ресницами дрожа

Четыре хладные потока
Катили вниз хрусталь ночной
Четыре дивные итога
Они сводили за чертой

850 И сон Адаму снится чудный:
Но почему запрещен плод?
Вопрос казалось бы нетрудный
Но Он ответа не дает

Четыре дивные потока
В один сливаются поток
Над ними Серафим высокий
Ботинок держит за шнурок

Л е в ы й

860 Сияет свет над Райским Садом
Над Райским Садом чудный свет
Господь гуляет в час прохлады
И видит что Адама нет

Где ты? – Господь воскликнул строго
Где ты, Адам? – сказал Господь
И вот со стороны потока
Ему ответствовала плоть:

Я наг – донесся голос слабый
Я совершенно не одет
Меня смутил червяк лукавый –
Адама слышится ответ

870 Стоит он весь в прибрежной тине
В кустах на берегу реки
И завершением картине
Два беса тянут за шнурки.

*

Пошел Фома ступень ступенью
И с каждым шагом разбухал
Одной ногой в бадье сомнений
Другой в ведерочке греха

880 День отступил под тем хроманьем
И обнажил в себе кристалл –
Храм с хриплым клювом пеликаньим
На башне сбитого креста

Тогда роняя оперенье
Четыре трепетных шара
Внезапно устремились к двери
Дверь хрустнув выпустила мрак

Чертог раздался с гулом медным
Фома вступил за ними следом.

СОМНЕНИЯ

890 Читатель мой, что б сделал ты отпав?
Что до меня то я б сменил окраску
Позеленел, потом пустился в пляску
Быть может стал трехрук иль шестиглав

Уж крылья были б у меня вне всякого сомненья
Красивых два крыла и с медным бубенцом
Танцор бы вышел из меня и ах, какой танцор!
А так – так я далек от этого уменья

Случись бы мне когда-нибудь отпасть
Я б загулял как набалдашник трости
Вонзил бы в рот мундштук слоновой кости
И вставил зубы новые сапфировые в пасть

900 Я б в небесах летал смакуя красоту их
Я б дев соблазнял знакомых по углам
Мяукал по ночам, а днем чревовещал
И жен смущал к ним нагло адресуясь

И чтобы веселее было там
Где разум с естеством играют в прятки
Я б шпоры вырастил с мелодией приятной
Знакомой по увеселительным местам

910 Читатель мой, ты сходен с вечным гусем
Ощипанный но мил хозяйке молодой
Ты б попрекнул судьбу сковородой
А я бы пел, хоть голос мой и гнусен:

Лежи, лежи проклятая руда
Не лезь, не лезь в вонючие плавильни
Без весел плыть уключина бессильна
Ах где же ключ? – беззубая орда!

Вы кривитесь мой друг, у вас другая пища:
«Дождь за окном, в окне окна квадрат»

Иди читатель мой ты знаешь ли куда?
Ищи – найдешь, а может вошь отыщешь

920 Ты миленький ни хладен ни горяч
Так, кашка подогретая с кефиром
Господь с тобой, иди родимый с миром
А мы пойдем подпрыгивая вскачь.

Т и х о - т и х о
(Хор)

Тихо падает орех
Происходит смена вех
Посмотрите, наверху
Возле самой высшей точки
Видите какое рыло
Перекатывает тачки
930 Очень медленно качается
Всем придется потрудиться
Кто-то воет, кто-то кается
Кто старается отбиться
Увернуться отскочив –
Нет, тебе мы не позволим
Приневолим и заставим
Мы одной породы тряпочка
Как бы лен и конопля

(Голос)

940 Обладатели участков
Землеройные животные
По бережку капустный урожай
Солят к зиме и запасают впрок.
Шесть месяцев – немалый промежуток
Холодный вклад раба-землестрадальца
Гниет под валенком в бочонке под скамьей
И зреет.
А с пришествием морозов
Колода треснет, обручи на кадках
Рассядутся и выйдет зрелый дар

Старанию солителя – в лоскутках
 От дольных гряд кристальный корнеплод
 Гирляндой инея повиснет украшая
 На знаменитом дереве январском.

Л а д н о - л а д н о
 (Хор)

Ладно врать
 Ладно врать про погремушки
 Видишь новенький народ
 Он толпою у кормушки
 Не торопится, жует
 Комом-комом не проглотит
 960 Кроме-кроме одного
 Почему он не отходит?
 Что-то долго он копается
 Ну и сила в этом хоботе
 Ну и туловище!
 Слышишь, слышишь как он чавкает
 Что-то ищет вроде стеклышком
 В упоении проглатывает
 Может репу может свеклушку
 Даже и не посторонится
 970 Ни подойти не даст
 Откуда он такой?

С к о п е ц в о к о в а х
 (Сонет)

Я здесь один лобзаю прутья
 Навек почти лишенный плоти
 Напрасно: чаша не прольется
 Как ни качай по перепутьям

И пусть теперь моя десница
 Висит в кольце подобно плети
 Но тщетны цепи этой клетки
 Ведь мир – действительно темница

980

Струится вспять веселенький денек
Как дезертир из действующей рати
Вам нечего сказать ему в упрек

Он будет прав, когда ответит: «Хватит!»
Ни гранулы стеснения не обрев
Ни скрупула бессилья не утратив

П р и ч у д ы
(Два голоса)

Не видать глупей каприза
Ни во сне ни наяву
Что лежало было снизу
Нынче пляшет наверху

990

Пара ведьм мужского пола
Над природою парит
Их летательная полость
Механически блестит

Люд ослеп от света ступы
Машет крошечной рукой
Улетели два суккуба
Утонули за рекой

1000

А наутро глянешь в запад
На обиженных полях
Там железный ходит лапоть
В ячменю и в журавлях

Глава Шестая
(Продолжение)

фома идет

Теперь Фома идет мудрее
Ему понятны эры знаки
Грядущей. Путь под ним чернеет
Фома идет и вянут маки

Шагнет герой – взлетает птица
Махнет ногою – крыса прынет
Он может рад остановиться
Да крыса тут да птица крякнет

Конец Шестой главы

беседа

- 1010 Рабочий кабинет монастыря.
Природной живности смутительным оброком.
Зверье опухшее кольшется в дверях
Трухую переполнено и мохом
Летучий эмбрион нетопыря
Паля в посудине вина
Пирует там голубоватым соком
В холодной скляночке у самого окна
Наверно там и мерзостно и сыро
Конечно жаль, малютка не подрос
- 1020 Порхающее прошлое вампира
Предвосхищенный алчный кровосос
Испуганно засовывает в складочки
Ручонки детские, старушечьи лопаточки
Прискорбный вид, на что ему надеяться?
Над ним растений сплюснутые образцы..
Вот челюсть. Травоядные резцы
Молчат о возрасте зарезанной и съеденной владелицы
Но задних полуистертая кора
Есть явный признак что была она не молода
- 1030 И много проса у нее на совести
Что никогда уже не сможет колоситься.
Вот медная сковорода.
След умершей овцы на ней лоснится
Но локон не сберег изменник-медальон.
Костяк медузы, хрящ улитки,
Подарок короля Годфри Бульон
Изящный позвоночник содомитки,
Картина: в полный рост евнух
(Коль нету трех – одно из двух)
- 1040 И наконец жемчужина собрания
Лев – извлечен посредством ископания
Лев лыс, но взор по-прежнему янтарь
Слеза сосны на прибалтийских скалах
Возрождена кагану тленному в фонарь
Души загубленной неожиданным им обвалом
Позднее вечность сделала его монахом

И стала тонзура где грива
И шура пергамент
Всего от него оставалась
1050 Великолепная глава
И часть ноги.
И муравей в аквариуме ока –
Чернеет ферзь: через медовый камень
Сквозь древний лед подсолнечной зеницы
Видна членистоногая фигура –
Свидетель пережил свое заклятие
Окончен плач, а все трепещет кура
Мятется, клохчет, упорхнуть стремится.

А вон в углу альбертово создание
1060 От рейнской дельты мастер-кружевница
Приняв наружность скромницы-прислужницы
Горох нанизывает в сетчатое кружевце
В ковер болот трясмный заозерный
В упругих зернах прошлого узор
Раздор текущего и нынешнего вздор
В кошмар грядущего имеет быть продернут
Рябининкой на прутьях можжевельника

Фома явился утром понедельника.

Ф о м а:

О Женщина, послушай, мир прекрасен!
1070 Взгляни в окно – увидишь небосвод
Он тверд, вместителен, по нём гуляет скот
Телец, Баран, Козел с хвостом и с пастью
Там Скорпион вершит солнцеворот
Чтоб лег препон весеннему несчастью,
Южнее суша залегла как плот.
На ней средь плод-носительных деревьев
Порхают обольстительницы в перьях –
Различные туканы и орлы
Все прочие, достойные хвалы
1080 Кто в чешуе тот значит в водоемах
Кто в озере, кто в речке, не в пруду
Так в ручейке, а бор имеют домом

1090 Мохнатые. Тут не ищи слюду
Слды здесь нет, искать ее напрасно
Она в горах, где качеством алмазным
Прообразует блеск сулимых нам миров
И чтобы не томить тебя рассказом
Знай глупая, из прочих даров
Мир этот лучше всех, клянусь клюкой и плешью
А ты, уродина, себя горошком тешишь.

Ж е н щ и н а:

Когда я девушкой была
Ходила про меня молва
Что я ходила по дрова
А я сидела дома

По мере дара и восторг
Разметан скирд раскидан стог
Неровен час ничтожен прок
Гори моя солома

1100 Кому-то дар кому-то стыд
Тому-то дай тому прости
И хватит лысину скрести
Постой чесать в затылке

Мой скромный опыт говорит:
Когда солома догорит
Ты лучше в зубы посмотри
Подарочной кобылке

Д а р У м б е р т а
(Легенда)

1110 Своей глубокой старости
Конец предвидя близкий
Отечество в опасности!
Сказал Умберт Дельфинский

Куда-то все-то катится
Да как-то все неправильно
Мне кажется не справиться
С печалью и с отчаяньем

На солнце и на месяце
Приметны язвы тления
Прискорбно и невесело
В природе и в правлении

1120 По кромочкам нехоженным
Тропинок неутоптанных
Трава стоит луженая
Да медью переклепана

И бедная и скудная
Резвится по-язычески
Землица полоумная
Поганкой металлической

1130 Да спицею нелакомой
Как будто на пожарище
Царит Великий Вакуум
В общественном влагалище

Казна моя миллиардная
Пустыня непригожая
Корона фамилиарная
В Ломбардию заложена

Везут ее на палубе
Вдоль берега Эритрейского
А выкупа выскабливать
И некому и не с кого

1140 Дружина в Лотарингии
Придворные в Бургундии
В Нормандии священники
Законники и судии

Их стон о беззаконии
Их вопль о правосудии

Наивная рапсодия
Распаду плодородия

1150 В слезах смущенный розовый
К границам меркнет пяткой
Мой выморочный подданный
Предчувствий полон сладких

Но в новой Вавилонии
В краю надежд на лучшее
Ах, по любимой родине
Тоска его замучает...

Всю эту мерзость запустения
Всю эту прелесть умирания
Племяннику-наследнику
Я опускаю в завещание

1160 Атласного пергамента
Отмытая страничка –
Дарственная грамота
Французскому кузнечнику

Огромной территорией
Пусть правит с полной мощью
И двигает историю
Куда захочет

1170 Гуляет где-то козочка
Китаец машет косами
Прощай моя повозочка
С двенадцатью колесами.

Так пел воркуя сладостно
Король Умберт Дельфинский
Отечества опасностям
Конец глаголя близкий.

И ей в ответ Фома промолвил тихо:

Кустарник ли зацвел, возвратное ль светило

В плотину неба вплавит хрупкий рог
Урчит ли выпь, журчит ли ручеек
Над всем что есть – от месяца до цапли
Закон нужды занес сухие грабли
1180 В пруду творения от берегов до дна
Причинность в нем злодействует одна
Так выткано и не бывать иначе:
Необходимость в храме хляби значит
И царствует и варварствует всласть.
И точно: ощущая эту власть
Куст производит жалкие цветочки
Светило смутное дойдя до крайней точки
Катится вниз по серенькой строке
Рога во лбу, копыта на ноге
1190 Клюв роговой, клыки передовые
Так называемые клейма роковые –
Всё виды принудительных узлов.
И вот услыша натуральный зов
Цветок дубовый в желудь затвердеет
Зазеленеет, осенью зардеет
Тягучий шлейф оставит сонм комет
И черепаха каменный колет
Бывает нищей братии предложит,
Посмотришь – двести лет, а платье то же
1200 Подъемлет гад ороговелый глаз
Все твердое погибельно для нас.
Взгляни на улей – кладбище нектара
Ты знаешь, лед – ведь это труп от пара
Хрустящий иней – воздуха скелет
Не правда ль, «да» властителю «нет»
Приходится двоюродною внучкой?
В строении понудливом и скучном
Мир вечно б мыкался по собственным задам
Но не затем наш батюшка Адам
1210 Обрел такой великолепный образ
Чтоб на призывный вой вербовщика...
Ну вот и все. И хватит слов.
Умберт – подумаешь Иов
Ведь адамит хотя свободен
Но с небом спорить непригоден
Здесь пользы нет
А впрочем он свободен:

1220 Увидит, выберет, возьмет и унесет
И не отдаст, обратно не отдарит
Умрет осел, но дева сливу сварит!

Ж е н щ и н а:

Плывут в степях наивной веры
И в странной форме речевой
Неевропейские примеры
Веселой мысли кочевой

Нам безотчетны их желанья
Должно быть скрытые в крови
Искать предметы для жеванья
И простодушных форм любви

1230 Там нет ни споров ни дискуссий
Их жизнь казалось бы пуста
Но легкий пух степного гуся
Порой пятнает их уста.

П с о г л а в е ц

1240 Легкий смрад стоит над полем
Свора кажет небу морды
Общество трусит на падаль
Что ему? Он встал поодаль
Грустен он, потоки скорби
Волны черные печали
Непроглядны непритворны
На челе его застыли
На груди его медали
Позади его кобыла
Хороша и без рессоры

Только влево и бесстыдно
Каждый глаз его косится
Совершенно очевидно
В каждый зуб его вместится
Чем в листаньях Августина

1250

Боле сладостного смысла
И иной домашней птицы
И других таких гостинцев
Досверлиться б постараться

Но и ему случится гнаться
Цифры ног своих удвоя
Чуть вдали завидит зайца
С человеческой головою.

Интермедия

немного альберта

Альберт молился. Ворон-вечер
Седлал губительный насест
Уже задетое увечьем
1260 Все глубже свой багровый жезл
Топило солнце. В латной жести
Звенело все и засыхало
Вотще луна бессильным жестом
В округу серебро плескала
Напрасно западный вулкан
Еще клубился и пускал
Латунных птах над горизонтом
Они струей пурпурной помпы
Кружились, сыпались во прах –
1270 Недолог век латунных птах
Прекрасное недолговечно
Ужасный облик многих женщин
Костяк под юной грудью дев
Свидетельствует что удел
Их доля, часть их равнозначна
Судьбе кузнечика: невзрачный
Он небо ножкою кует
Но час придет и он умрет
Вообще закат подобен смерти.
1280 И тут-то вспомня об Альберте
Когда он с пузырьком души
Взлетал, Сова к нему спешит
И прямо в черепа оправу
Чтоб не разохлась кладезь браней
Вливает чистую отраву
И кажет голову баранью
И ртутный берег боронит
Альберт устал, монах храпит
Но птица сна его не дремлет
1290 Державу призрачную емлет
Когтями студень шевеля
Она к Альбертовой купели
В хрустальный куб эфирной трели

Уже верблюда привела.

В е р б л ю д

1300 Ходил верблюд страной стеклянной
И над текучими холмами
Над ним носился звук протяжный
Колоколами
И надпись: «Это зверь продажный»
На голове его пылала
Качель ноги многоэтажной
Копыто подвигало
И восемь звезд лучами влажных
На бороде его светились
Пятнадцать слёз как звезд алмазных
На рамена его струились
И сохли на седой груди
Губа висела впереди
1310 А в буйном чреве непорожном
Зеркальный бился подорожник

Глава Последняя

беседа

(Окончание речи Женщины)

В а с и л и с к

Последний зверь, но он Первоисточник
Встает в волнении неисчислимых ок
Не властен быть вдвоем суровый отчим
Дрожащий каплевидный водосток
Трясение едва заметных точек
Озноб материального чуть-чуть
Куда-то налитого между прочим
Его многозначительная суть.
На неопределенно долгий срок
1320 Он осужден вершить вселенский ритм
И колебать наш сумеречный ряд
Чтоб свет перелетая плыл неслитным
Издаেকে рубиново пернат.
И в кольханьи млечной ленты
И в утреннем дыхании травы
Пульсирующий Первоэлемент
От размельченной синевы
До диадем усаженных павлином
Он самый главный, самый первобытный
1330 Согни бедро перед таким вождем
И сам перед трепещущим вельможей
Благодаря которому ты ожил
Чьим только всплеском мир перворожден
Нет ничего помимо этой дрожи
Никто Один в конце мирской вожжи

Ф о м а:

Но все же бродят розовые дрожжи
Однако пена все-таки дрожит!

Олень я был, а ныне вепрь я
Не лось не лань — теперь я хряк

1340 Кабан ухмылкой неприветлив
Иуде кормом неприят!

Тут постуча двойной стопою
Но жвачку боле не жуя
Он власть утратил над собою
Он взвыл, он взвился на нея

Рассудка роги ринул оземь
А на дворе уж стыла озимь.

Т у р н и р

1350 Забудь копье кого кололо
Буди река кого топила
Уходит в бешеную прорубь
Нето бердыш нето кропило

Вернись поток обратно к суше
Ложись серпом согнись косою
По руслу Смерть идет разувшись
Полураздевшись и босою

Неотвратимо и нарочно
Но экономно и безрадостно
Бросает призы в ямы в почве
Ее косматая Опасность

1360 Вода с излучины низвергшись
Разбила тело о плотину
Под нею Смерть разбила верши
И Конь плыла бела как льдина

Пусть ей слуга копыта смажет
Не то пускай ее напоит
Наш узел Время не развяжет
Нас в целом мире только двое.

суждение

1370 Фома, Фома , судьба чурбана
Продленьем узости бревна
Пускай бы вдаль катилась вольно
Зачем же ты ее так рано
(Как по хронометру Урана
Удар кувалдой по курантам)
Ее сразил, ей сделал больно
Не пощадил очаровательного сна
Наставника дряхлеющую гордость
Его создания невнятную нетвердость.

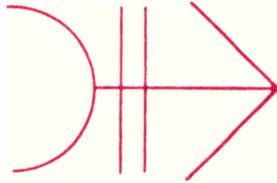
1380 Порвались связи зрительной слезы
Вспотело зеркало, мир сделалася моложе
Фома, Фома, поступок твой ничтожный
Был трость от немощной стези
А ведь не ствол величественной неги
Кругом порхали бы стрекозы
И зеленели юные побеги
Ты все сгубил, ты уничтожил
И трепет нежной егозы
И хрупкий стан ее пригожий
К чему рыдания – но все же
Зачем ты ножкой поразил?

*

1390 Кругом толча сосуд момента
Горох струился полня воздух
Вдруг словно бы окликнут кем-то
Он вдруг застыл но было поздно

А над порогом невысоким
Где лампа прыгала сама
Витал Альберт качая оком
И все твердил: Фома, Фома...

Конец Поэмы



Схоласт — средневековый христианский философ. Схоластика произошла от западной варварской мысли, оплодотворившей старинную имперскую культуру ума, а самое слово означает школьную мудрость.

Фома Аквинский (1224 — 1274) — католический святой, величайший мыслитель своего времени, автор двух огромных сочинений: «Свод богословия» и «Всё против язычников», а также поэт. Ему принадлежат некоторые песнопения в латинской обедне. Фома много учил об отношении веры к разуму, наставлял кардиналов и папу. Подобно тому, как Отцы Церкви старались охватить христианским учением философию Платона, Фому — и в этом его от них отличие — привлекал Аристотель.

Альберт Великий (1200 — 1280) — католический святой, небесный покровитель естествознания. Знал все науки и во многих преуспел. Описал строение и жилы распительного листа, взвешивал взаимное влечение животных разного пола, впервые добыл серную кислоту и получил в свободном виде мышьяк путем нагревания реалгара с мыльной смесью. Сообщил состав пороха для летучих ракет, нашел человеку место в животном мире где-то неподалеку от обезьяны, был также философ, богослов, проповедник. В 1260 г. поставлен епископом города Регенсбурга.

Искусственная Женщина. Согласно другим источникам, это был железный мужчина.

Спорил. Спор был приемом, который употребляли схоласти для выяснения истины, в отличие, например, от суда Божия, рыцарского поединка или научного эксперимента.

Испортил. Это произошло около 1253 г.

Франсиск — Франческо ди Пьетро ди Бернардоне (1181 — 1226). Основатель монашеского ордена францисканцев. В 1224 г. ему были сверхъестественным образом нанесены раны Иисуса, и два года до смерти он провел как мученик.

67.

Темна — одно из ходячих выражений, вроде «мрак средневековья». А это было время расцвета знаний и мысли, и только эпидемия чумы действительно портила картину.

75.

Спираль — служит для изображения исторического времени. Круг — более старый образ. Устремленный вперед незамыкающийся круг и есть спираль.

93.

Согласно теории Эйнштейна, к трем направлениям: вперед, вбок и вверх можно добавить еще одно: в будущее. Тем не менее четвертая мера неясным образом опличается от трех первых.

117.

У Гегеля в Истории Философии читаем: Этот Альберт был вначале очень тупой.

124.

См. примечание к стиху 235.

151.

Папа — Гонорий Третий.

163.

Сначала в Падую, потом — в Париж.

168.

Рейпузы, штангы кавалериста вошли в употребление эпохою позже. То же относится к аркебузе, см. 170.

169.

Арбалет — самострел из спальной рессоры с жилой и заводным колесом, стреляющий короткими болтами.

170.

Замки на бедрах запирали, когда отправлялись в Палестину. Сейчас этого не делают.

176.

Осел — знаменитый Буриданов осел, который должен умереть с голоду, будучи неспособен отдать предпочтение одной из двух пождешственных охапок сена. Осел доказывает невозможность свободы воли: если охапки разные, выбор предопределен, если нет — акт выбора не состоится. Утверждают однако, что в силу случайного волеизъявления осел все-таки съест охапку. Мнение глубоко не философское. Он и две съест, но тут-то его несвобода и кроется: он просто ест сено, как дева — сливы (см. 178), вместо того, чтобы сделать свободный выбор.

Буридан (1300 — 1358) — логик, механик, философ, оптик. Хотя и жил он много позже того, как поступил в обучение Альберт, осел не обязательно должен быть его современником. Ему могли рассказать про подобный случай. Вообще Буридан рассуждал не об осле, а о собаке.

179.

Парижский Университет основан в 1170 г.

235.

Владения графов фон Болшпедт находились не в Швейцарии, а на верховьях Дуная.

245.

Младший внук — собственно, старший сын. Майорат пущи при нем.

247.

Монастырь братьев-доминиканцев назывался Сен-Жак.

251.

Псы Господни — ложная этимология названия ордена от Доми-ни (Господни) — канес (псы).

256.

Наспоятель. Возможно это был сам Иордан Саксонский, генерал ордена.

269.

Европа — выдающийся далеко к западу полуостров азиатского материка, отделенный от Африки узким проливом. Часть света. Название означает «закат». Так звали финикийскую царевну, которая уплыла на запад, в заморские страны верхом на быке.

Оспой — а также чумой и холерой.

271.

Уменьшение — на 30%.

275.

Ландграфы того времени были образованнейшие люди.

328.

Святой Георгий убил дракона и спас девушку, овладев заодно и ее единорогом. Историчность этого, в прошлом одного из наиболее почитаемых заступников человечества, ныне поставлена под сомнение: думают, что девушку спас Персей.

497.

Раймунд Лоллий или Раймонд Луллий (1235 – 1316) – поэт, автор кодекса рыцарской чести и книг о познании бытия: «Высокое Искусство», «Древо Учения» и «О восхождении и нисхождении Разума».

539.

Умирал он в Европе, а умер, по преданию, все-таки в Тунисе, от рук памошных варварийцев – берберов. См. ст. 521.

548.

Хотя центральный долг был приписан нашему светилу еще Аристархом Самосским, до Коперника в это как-то мало верили. Огромный размер солнца – необходимое следствие его центрального положения.

655.

Пресвитер Иоанн, поп Иван – Онг-хан или Ван Хан, последний независимый правитель народа керейтов в Центральной Азии, исповедовавшего христианство несторианского толка. Современник Чингисхана. Неясные известия о могущественной христианской теократии где-то далеко на востоке или на юге послужили основой легенды о том, что в конце времен Пресвитер вновь явится. Впоследствии царство Пресвитера Иоанна искали в Эфиопии, где до недавнего времени также держалась христианская монархия.

728.

Один такой взрыв едва не стоил жизни автору в 1959 г. во время его собственных ночных занятий по водружению микрокосма.

764.

Довоенный – напоминающий о мирных временах перед войнами 1914-го и 1941-го года.

767.

Цвет был красен. См. «Бытие», гл. 2, ст. 14.

769.

Поле стоило фунт серебра. Цена установлена при сделке Авраама с хеттами, за 1300 лет до основания Рима.

846.

Четверо потока — см. «Бытие», гл. 2, ст. 10 — 14.

956.

Новенкий народ — возникшее в XX-ом веке сословие искапелей испины посредством покупного инструментария.

1036.

Годфри Бульон (1060 — 1100) — правитель Иерусалима с 1096-го г. О том, что он занимался археологическими изысканиями вдоль южного берега Мертвого моря, известно только из этого текста. Альберт, который проповедовал Восмой Крестовый Поход мог получить ценный сувенир по завещанию.

1044.

Каган — титул иудейского правителя пюркского народа хазар.

1110.

Дельфиния — Дофине, королевство к западу от Альп. Дар Умберта Второго будущему Карлу Пятому Французскому имел место в 1355 г. Впоследствии брожение в Дельфинии послужило началом Великой Французской Революции.

1134.

Ломбардия — территория бывшего королевства лангобардов. Ломбарды давали под залог деньги.

1234.

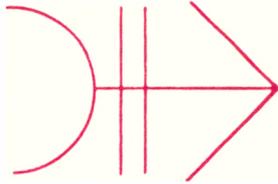
Описанные Геродотом псоглавцы и по сей день населяют мрачные Киммерийские равнины. Здесь однако под видом Псоглавца выведен модный тип несогласного соучастника.

1247.

Августин (354 — 430) — епископ Ипонийский, автор книги «О Граде Божию», где говорится о предопределении. Но в зубах Псоглавца силу предопределения можно почувствовать куда явственнее.

1379.

Моложе — так как Фома, уничтожив Альбертов мыслительный аппарат, вернул мир к тому состоянию, в котором он пребывал, когда Альберт вознамерился отделить веру от разума простейшими средствами.



1 – 35.

ЛИЛИИ – символ невинности. КОФЕЙНЫЙ БОБ – символ взвинченного одиночества. ФИНИКИ – воплощенная сладость. ЛУК – чистая горечь. МОРКОВКА – лакомство для простонародья. АНАНАС – редкостный плод для немногих. МЫШЬ – мысль. ГРУША – грусть. СЛИВКИ – продукт ума в его поверхностном тонком слое.

46.

НЕЗАБУДКА – цветок надежды.

62.

РЫБА – символ Иисуса Христа.

72.

ДРЕБЕЗЖАТ КРЫЛАМИ не ЧИЖИ, а иные из колибриев.

99.

ВЕРЕСК – скромный цветок печали и забвения умерших.

166 – 182.

ОСЕЛ – символ свободы воли. СЛИВА – один из образов чувственного познания. ОЛЕНЬ имеет раздвоенные копыта и жуёт жвачку, а потому опнесён Моисеем к чистым животным. Напропив, вепрь, также имеющий раздвоенные копыта, жвачки не жуёт, и потому нечист. Он даже особенно нечист, так как из-за раздвоенных копыт может быть принят за чистую тварь и съеден. Оба признака имеют символическое значение: жевать жвачку значит подтвердить Закон Божий, а раздвоенные копыта относятся к различению духа и вещества. В этом смысле Данте говорит о Папе:

А Пастырь ваш хощь жвачку и жуёт,
Но не раздвоенны его копыта.

В то же время рога ОЛЕНЯ символизируют изощренную логику схоластов, а клыки ВЕПРЯ – убедительную силу их риторических говорений.

190.

МОТЫЛЕК — недолговечное создание.

192.

ЧЕРВЬ представляет разрушительную силу небытия.

195.

К ХРЯЦУ — а не к кости, которую разгрызть намного трудней.

200 — 234.

СИРЕНА — фантастическая певчая птица с женской грудью, рыбьим хвостом, окровавленными руками в перьях и ногами в чешуях. Судя по дикому поведению ученого, внешний вид СИРЕН не раз сбивал его с толку.

К ЧЕРТУ ЛЕЗ В СОЛОНКУ. Некоторые ЧЕРТИ ревниво охраняют верные им тайны. СОЛОНКА —местилище оных.

СОРОКА — птица вздорного красноречия, которое выразительно демонстрирует здесь Альбертов учитель. СКОТИНА, скот — символ преобладания плоти над духом. СОБАКА — символ нечестия: невежество, словно нечестие пса, оскверняет святыню знания. НА ВОСЕМЬ РУМБОВ означает: «под прямым углом к прежнему курсу». ЗУБЫ — аналитические способности рассудка. АКАЦИЯ — символ совершенства. ЖЕЛУДЬ воплощает собой непреступное знание: ЖЕЛУДЕМ был, в известном смысле, и сам профессор.

254 — 263.

ГОРОХ — символизирует неспособность рассудка соединить отдельные факты бытия в полную мозаическую картину. ЛОПУХ — широкий лист забвения. ВЬЮН — на ГОРОХ ловят не ВЬЮНА, а угря.

291 – 327.

ЕДИНОРОГ – волшебный зверь, символ творческой, оплодотворяющей силы воображения. БАБОЧКИ – легкомыслие окрыленное и всеобъемлющее, где попало порхающее, ни до чего иного дела не имеющее. УТКИ – символ беспечного самодовольства. ДЕВИЦА – сама Невинность, перед нею БЕССИЛЬНО даже наипорочнейшее изображение.

ДРАКОН – символ яростной силы греха. В руслах древних потоков все чаще находят отпечатки и даже целые костяки эпих окаменелых лепучих рептилий. КРЫЛА И НОГИ – у ЗМЕИ обозначают ее мнимые совершенства; воп их-то она и лишилась в момент грехопадения. КОНЬ – как и осел изображает тело, которое лениво и безучастно пашит на себе верхом вечно дремлющую душу.

390 – 425.

ПЛАМЯ – ангел огня; такие духи носят имя Серафимов. КРУГИ ВЫСОТ – десять сефир (или «сефирот»), имеющих ангельскую природу и изображаемых в виде сфер или окружностей, иногда концентрических; мир сотворен Богом посредством сефир; вторая сефира зовется Премудростью и управляет светом и воздухом. ЛЮК – третья сефира, Разум, управляющий водой. ЗЕРКАЛА служат границами сефир. БРИЛЬЯНТЫ – не могут идти ни в какое сравнение с блеском Божественных эманаций. ВОЗДУХ – от второй, ВЛАГА или вода – от третьей, ОГОНЬ – от четвертой сефиры. ГОРОШЕК – первичный квант растительного поля. ГРАНАТ – символ небесного огня, молнии. ГРУША относится к соблазнам текущего бытия.

455 – 468.

ВИШНЯ – похожа на ГРУШУ, только меньше и более ядовитая. МЕД – символ сладости познания; в изобилии наполняет собою лоно наследниц Евы. КАЛ – символ извращенного познания. ТВОРОГ – подразумевается простокваша, свернувшееся молоко, то есть пища младенца, которая скисла от длительных размышлений о ней. ДЕГОТЬ – так же, как нефть и смола, подобно калу является еще одним символом извращенного знания; нефть, как правило, там и находят, см. «Бытие», гл. 14, ст. 10 и гл. 19, ст. 1 – 26.

471.

НОВОЛУНИЕ — время, когда особенно свирепствуют духи тьмы.

476.

КОЗЛИЩЕ — порочный предводитель толпы овец.

481.

ПИРОЖОК — снаружи тесто, внутри опилки; пять веков спустя таким печенем еще пипался ученый Спалланцани.

503.

ЦИФРЫ (арабские) — то же, что и сефиры, смотри примечание к ст. 390 — 425 и текст.

511.

ОРИФЛАММА — златопламенный рыцарский шпандарп.

560.

КОТ — член свиты нечистой силы. Иногда может выступать в роли героя-змееборца.

563.

РОЗА ВЫШИВКИ — красота, воссозданная рассудком.

565 — 581.

ПОДОКОННИК — деревянная часть оконного обрамления, открывающего взору зрелище мировой загадки. ДЕРЕВЦЕ — Древо Познания, разумеется. ОТВЕТЧИК — Разум, а СУД это процесс, который ведет против него ПРОКУРОР — Вера, СВИДЕТЕЛЯМИ же им служат Чувства: Зрение и Слух. ПАЛАЧ — найдите его в правом верхнем углу карпинь. МАНДРАГОРА — фрукт или корень, из коего варят дурные приворотные зелья.

598 – 604.

КАПЛУН – немужественный петух. СКАКУН – см. примечание в статье «Поэтика». ВЕРБЛЮД – символ гордыни. ЛЕВ – символ гнева.

606 сл.

ЯЙЦО – так называемое, Мировое Яйцо, ближайшую аналогию к которому представляет индийское Мировое Яйцо Махадивья и золотой предмет из «Курочки-Рябь» – космической птицы с черными и белыми перьями, воплощающей смену дня и ночи. ЛЮТНЯ (фактически балалайка) на которой напевают ЯЙЦО, имеет при струны – ТРИ НАЧАЛА, о которых см. примечание к ст. 398, о сефирах.

645 – 649.

КЛЕВЕТНИК и п.п. – враг рода человеческого; ГУБЫ – которыми он клеветает; ХОБОТ – которым он соблазняет. КОБРА – очковая змея индийских факиров. СТУПА – буддийское культовое сооружение. СЦЕДИМ ЖАБУ ИЗ СИРОПА означает, что сироп сольют, а ЖАБА останется в воронке. По-видимому Алберт называет ЖАБОЙ саламандру, огненного духа алхимических пермутаций. Обе амфибии имеют много общего.

659.

САРАНЧА – некое вредоносное множество.

693.

МОТЫЛЕК – см. примечание к ст. 190.

698.

ЧЕРНЕЕ ЭФИОПА, ибо эфиопы все еще существуют, тогда как Пресвитер уже нет.

714.

КОМАР – пример случайной жертвы вдохновения.

718 сл.

КОТ и РЫБКА. Образ живой души, которую не без успеха пытается изловить демонический КОТ. Душа РЫБКИ, покинув свою оказавшуюся в когтях злого духа серебристую оболочку, может беспечно выплыть, КОЛЫША ВЕЕРОМ полета.

725 – 740.

КЛЯЧА – энергия, заключенная в недрах вещества, как результат космического процесса. ЖИВОТНОЕ НА ПОЛКЕ – книга.

749.

ЗИМНИЙ СОЛОВЕЙ – метафора, относящаяся к несвоевременному экстазу.

751.

УТОК – не имеет ни малейшего отношения к царству пернатых.

755 – 764.

СТРАУС превосходит всех прочих птиц как размерами, так и неспособностью видеть себя со стороны. Поэтому Аристотель вообще отрицает принадлежность СТРАУСА птичьей породе, ссылаясь на наличие у него ресниц и еще на какие-то аргументы в одном из своих ныне утраченных сочинений.

ГУСЬ – см. ниже о ЛЕБЕДЕ.

ЛЕБЕДЬ – изображение души в тот миг, когда она рвется покинуть тело – плачет об упущенных возможностях. Такую песню и называют: «ЛЕБЕДИНАЯ».

794.

Установлено, что в древних мифах КУКУШКА, наравне с белыми грибами, может обозначать гром.

796.

ПАПИРУС – нильский тростник, символ бульварной литературы.

880.

ПЕЛИКАН — символ самопожертвования. Когда Разум жертвует собой Вере, на башнях души слышно ПЕЛИКАНЬЕ кваканье фанатизма. Когда жертвует собой Вера, мы слышим просто ПЕЛИКАНЬЕ кваканье.

948 сл.

Если оставить в стороне ТРЯПОЧКИ, ЛЬНУ-то будет ох как далеко до КОНОПЛИ!

990 — 1001.

СУККУБ — демон женского пола, «лежащий снизу». ЖУРАВЛЬ — перелетная птица, символ свободы, омраченной привязанностью к родным местам.

1005.

МАК — цветок снопворный, а ВЯНЕТ он, когда кто-нибудь просыпается.

1007.

КРЫСА — время.

1014 — 1024.

НЕТОПЫРИ, упыри, вампиры и т.п. рукокрылые пользовались в те времена прескверной репутацией. Поместив недоношенного НЕТОПЫРЯ в прозрачный сосуд, Альберт получил возможность созерцать зло в самом его зародыше.

1026 сл.

Возраст ТРАВЯДНЫХ легко определить, смотря по зубам. Относится и к поэтам.

1038 сл.

ЕВНУХ — ни мужчина, ни женщина, живое опровержение закона Исключенного Третьего. В то же время он подтверждает этот закон, ибо если он действительно не мужчина, то кто же он? — Либо женщина, либо ЕВНУХ.

1041 — 1052.

Останки ИСКОПАЕМОГО ЛЬВА со вставным ЯНТАРНЫМ глазом, в зрачок которого залита пустопелая МУРАВЬИНАЯ ФИГУРА — наглядный образ СВИДЕТЕЛЯ былых эпох.

1057.

По отсечении у ней головы, КУРА еще долго ведет себя словно живая. Символ оптимизма.

1063.

ГОРОХ — см. примечание к ст. 254.

1067.

РЯБИНА с МОЖЖЕВЕЛЬНИКОМ — счет времени по примечательным событиям, род вампума.

1068.

ПОНЕДЕЛЬНИК — день неудач. (Суеверие).

1072 сл.

ТЕЛЕЦ, БАРАН, КОЗЕЛ, СКОРПИОН — знаки Зодиака.

1078.

Перечислены лишь два из восьми с половиной тысяч видов.

1090.

ГОРОШЕК — см. примечание к ст. 254.

1124 – 1126.

ПОГАНКА — поганый, язвический гриб, содержащий ядовитые галлюциногены. Вредными соками ПОГАНОК пользуются адепты естественных вер для приведения себя к живому единению с местными почвенными энергиями.

1167.

КИТАЕЦ с КОСАМИ — манчжур.

1172.

ДЕЛЬФИНСКИЙ — то есть Дельфин или Дофин, пипул владетельных сенворов Дофине.

1178.

Фома хочет сказать, что и ВЫПЬ не бухнет без особой на то причины.

1189.

См. ст. 180 — 181 и примечание.

1200.

ГАД смотрит на мир через прозрачные сросшиеся веки.

1235.

ПАДАЛЬ. Утопические идеи, руководящие движениями человеческих общностей, как правило, облакаются в вид возврата к забытой старине.

1282.

СОВА — ПТИЦА СНА, которая пробуждается, когда кто-нибудь засыпает.

1294.

ВЕРБЛЮД — см. ст. 603 и примечание.

1299.

ПРОДАЖНЫЙ. Надменный вид ВЕРБЛЮДА способен внушить мысль о его неподкупности, поэтому нужна надпись.

1311.

ВАСИЛИСК — паинстинственное существо, облик которого никогда не остается одним и тем же. Чтобы увидеть ВАСИЛИСКА, нужно взять яйцо, которое снес петух, и отдать жабе. Она поочередно с ведьмой будет насиживать его определенное время. Говорят, что ВАСИЛИСК убивает своим взглядом, но это не совсем так: убивает не взгляд, а вид раскрытой паинвы.

1338 — 1346.

См. ст. 180 и примечание.

1368 — 1389.

См. начало главы «Юность Альберта» до ст. 151.

1391.

О ГОРОХЕ см. выше во многих местах.



Поэтика

В том, что душа поэзии существует, с недавнего времени перестали сомневаться. Ясно ведь, что ни расположение слов, ни образов телесное плетение или протяжный звуков ход не образуют стиха, но некая тонкая, проносимая над печением речи стихия. Изловить эту сиятельную тьму когда удастся, а когда и нет, но что она все же не вымысел — знаем. Если бы только можно было верно ее назвать, то как ее поймать, легко научили бы даже врожденного глухонемого. К счастью, вести из мест ее обитания доходят до нас в недолжной последовательности: кто вслед за кем — неизвестно, зачем — сами не знаем, откуда и почему — вряд ли такими вопросами разумно задаваться. Чему же тут учиться? В чем состоит наше искусство, наша веселая наука? Бог весть.

О том, что существует тело поэзии, знали всегда, но что именно считали телом стиха, думали самое разное. Ритм, созвучия, мыслимые видимости, бесплотные идеи, осязаемые чувства. Сейчас мы склонны усматривать его в слитном движении всех частей — как осязаемых, так и постигаемых одним лишь умом. Такое однако дано немногим и описание подобного учения будет неизбежно хромать. Впрочем, лучше живое немногое, чем окоченевшее от смерти всё. Лучше пройти краем пропасти, едва лишь кинув взор в ее манящую глубину, нежели в миг падения узреть всю безмерную бездну лишь затем, чтобы миг спуская поглотило ее забвение гибели. Не стану бросаться в бездну: не буду разглядывать это сочинение с множества больших, глубоких и сложных почек, а разрешу себе изобразить его как собрание одних лишь рифм.

Первая из них: ВЕРА и РАЗУМ. Все целое состоит из этой одной-единственной идеологической рифмы. Заглавие поэмы изображено тремя рифмами: ПОЭМА — ФОМА — РИФМА. По виду строения «Фома» представляет собой рифму к готическому Храму Рассудка. Собор этот неоконченный, неосвященный: на месте, где должен стоять алтарь, распевают ночные светские мысли (глава «Сомнения»). Три вступления — портал, две легенды — две башни, как рифмы, немного разнящиеся, далее — капрен карпин «Нравы», затем глава «Юность Алберта» и рифма к ней — «С Фомой», две Албертовы речи в главе Пятой и латинская проповедь о капусте — ведь все это рифмы, то ли к друг другу, то ли к чему-нибудь еще. Многие картины служат

рифмами выпражей, прекрасная большая картина «Раймунд Лоллий» начертана изнутри над самым входом, а Архангел из главы Третвей вещает там прямо с потолка.

Спускаясь ниже к обшденному, задержимся на некоторых колониях рифм. В картине «Верблюд» (сп. 1295 сл.) имеется такая колония: СТЕКЛЯННОЙ — ПРОТЯЖНЫЙ — ПРОДАЖНЫЙ — МНОГОЭТАЖНОЙ — ВЛАЖНЫХ — АЛМАЗНЫХ, но этим дело не ограничивается, так как в начале 1310-ой строки имеется еще одна ЗЕРКАЛЬНАЯ рифма к слову СТЕКЛЯННОЙ. Другой пример — круг рифм к слову НАРУЖНОСТЬ (Вступление «К Веку»), который завершается словом ОКРУЖНОСТЬ и еще раз НАРУЖНОСТЬ, выделявая полный оборот, в частности вопреки тому, на чем настаивает умственный текст Вступления. Плеченый ремень рифм обнаруживаем в сп. 136 — 143: ТАЛАНТ — ИНФАНТ — ГУВЕРНАНТ — ДУБИНА, и к ним смысловые рифмы: ПЕНЬ — БРЕВНО — ПЛАХА — (ДУБИНА) — ЛЮБИЛА, которые продлеваются ДУРАКОМ и ОЛУХОМ в сп. 144 — 145. В сп. 160 — 161 рифма: два СОСЕДА, из которых ТРУБАЧ созвучен ДАРОВАНЬЮ, а чуть ниже ХРУПКОЕ ОРУДИЕ ВРАЧА поет в набитой РУКЕ ФЛЕЙТИСТА.

Попробуем перечислить рифмы из простенького четверостишия:

Но ликовал Альберт когда горох
Зеленой стружкой вился возле жерди:
Чтоб не засох, он поливал горох,
Покуда твердь не поливала жерди.

НО ЛИКОВАЛ — ОН ПОЛИВАЛ, АЛЬБЕРТ — ТВЕРДЬ, КОГДА — ПОКУДА, ГОРОХ — ЗАСОХ, ГОРОХ — ГОРОХ, ВИЛСЯ — ВОЗЛЕ, ЖЕРДИ — ТВЕРДЬ, ЖЕРДИ — ЖЕРДИ, НЕ — ОН — НЕ, ПОЛИВАЛ — ПОЛИВАЛА, НО ЛИКОВАЛ — НЕ ПОЛИВАЛА, а также смысловые: ЗЕЛеноЙ — ГОРОХ, СТРУЖКОЙ — ВИЛСЯ, СТРУЖКОЙ — ПОЛИВАЛ, и это еще не всё, ибо виение гороха вдоль жерди вверх есть зримая пластическая рифма к струению на него с тверди вниз, причем с содержательной стороны здесь налицо рифмоидное соответствие описанию неполного ума главного персонажа Первой главы в ее предыдущих и последующих отрывках.

Пример невидимой рифмы — в сп. 636:

Кота обнявши другом бедных...

«Друг бедных» здесь отнюдь не Альберт (погда «бедным» оказа-

лся бы коп, нечистая сила), а левая рука ученого, представляющая рифму к орудующей в очаге стихий его деснице, которая, согласно евангельскому реченью о раздаче милостыни, «не ведает, что творит левая», а та — обнимает копа.

Вот эти-то пайные, невидимые рифмы — они-то как раз самые глубокие, умные и тонкие. Говорить о них поэтому здесь более не имеет смысла.

Прощай, читатель.

